Зуева Галина Сергеевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель

Кафедра журналистики, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: gz90@yandex.ru

Galina S. Zueva

PhD in Philology, Senior Lecturer

Department of Journalism, Penza State University, 40 Krasnaya Str., Penza, 440026, Russian Federation, e-mail: gz90@yandex.ru

МЕДИАОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ В АСПЕКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ ДИНЫ РУБИНОЙ)

Аннотация. В данной статье изучается медиаобраз современной писательницы Дины Рубиной на материале ее портретных (личностных) и предметно-личностных интервью в российских и пророссийских СМИ разной типологии: в газетах, журналах, на радио, телевидении и в интернет-СМИ. Актуальность темы обусловлена растущим интересом к деятелям литературы в медиапространстве и усилением внимания к вопросу взаимодействия писателя и читателя посредством СМИ и новых медиа. Объект исследования — публичная личность из мира литературы — вызывает необходимость разграничения понятий «медиаобраз», «художественный образ» и «имидж».

В соответствии с целями статьи автором предпринимается попытка классифицировать вопросы, формирующие медиаобраз писателя, выявить подходы, которыми пользуются журналисты для раскрытия современного писателя как личности, а также разграничить профессиональное и личное в аспекте интерпретации медиаобраза писателя читательской аудиторией. Анализ интервью Дины Рубиной проводится с отсылками к формальной и содержательной составляющих ее художественных произведений, что позволяет обнаружить конкретные личные интенции автора в ее творчестве и зафиксировать их. Медиаобраз писателя изучается в данной статье с опорой на теорию архетипов, и отмечается их влияние на профессиональное поведение как самой Дины Рубиной, так и журналистов, которые берут у нее интервью. Специфика вопросов, задаваемых писателю, подтверждает значимость архетипа творца и его доминирование в ряду сопутствующих архетипов — шута (Арлекина) и женщины-матери. Особое место в статье отводится изучению гендерного аспекта медиаобраза современного писателя, который является принципиально важным для Дины Рубиной и ее читательской аудитории.

Ключевые слова. Медиаобраз, современные медиа, интервью, писатель, Дина Рубина.

Информация о статье. Дата поступления 20 марта 2019 г.; дата принятия к печати 24 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 23 марта 2020 г.

MEDIA IMAGE OF A CONTEMPORARY WRITER VIA INTERPRETATION OF THEIR TEXTS (BY THE EXAMPLE OF INTERVIEWS WITH DINA RUBINA'S)

Abstract. This paper studies the media image of a modern Russian writer Dina Rubina basing on her portrait (face-to-face) interviews and subject-related portrait interviews in various contemporary Russian and pro-Russian media: newspapers, magazines, radio, TV, and the internet-media. Growing interest to modern writers in the media environment and to interaction between the writer and the reader via mass media determines the topicality of the research. The study object is a public figure from the literary community. In this relation, the author finds it necessary to distinguish between the notions "media image", "imagery", and "image".

The interviews with Dina Rubina are analyzed in the context of the form and contents of her works, which helps to identify and fix some personal intentions of the writer. The author studies the writer's media image basing on the theory of archetypes, as well as their influence on Dina Rubina's and her interviewers' professional behavior. The specific character of the questions asked to the writer prove the importance of the archetype of the creator and its dominance among the contributory archetypes, namely, those of the Harlequin and the mother. Special attention is paid to the gender aspect of a modern writer's media image, which is quite significant for Dina Rubina and her readers.

Keywords. Media image, contemporary mass media, interview, writer, Dina Rubina.

Article info. Received March 20, 2019; accepted February 24, 2020; available online March 23, 2020.

Медиаобраз, художественный образ и имидж: актуализация понятий

В современной теории журналистики и массовой коммуникации особое внимание уделяется понятию **медиаобраза**, его критериям, подходам к классификации и интерпретациям. В научных работах Е.И. Пролина [1], Л.В. Хочунской [2; 3], Т.Н. Галинской [4], Я.В. Солдаткиной [5], В.В. Барабаша и Т.В. Сезонова [6], Д.О. Смирнова [7], И.А. Балалуевой [8] и др. приводится несколько определений и характеристик терминов «публицистический образ», «журналистский образ», «медийный образ» и «медиаобраз», которые по сути тождественны и в широком смысле

сводятся к следующему: это особый образ реального человека (группы людей) или страны (либо отдельной ее области), заложенный в сознание массовой аудитории через материалы в масс-медиа.

В этой связи представляется необходимым разграничить понятия «медиаобраз», «художественный образ» и «имидж». С **художественным образом** медиаобраз сближает характеристика типизированности [8, с. 87] и архетипическая основа [2], а также эмоциональная составляющая: медиаобраз становится определенным и определяемым в том случае, если состоялась обратная связь между СМИ-транслятором образа и аудиторией, которая его при-

нимает, не требуя дополнительных разъяснений со стороны журналиста. Таким образом, медиаобраз, как и архетип, и художественный образ, имеет «диалогический характер» [2, с. 239], в основе которого лежит общение создателя и потребителя информации, осуществляемое на уровне восприятия и интерпретации текста. Принципиальное отличие медийного образа от литературного заключается в том, что журналист показывает характер абсолютно реального, а не вымышленного человека или объекта действительности.

Транслирование особенного образа в массовое сознание с помощью медиа происходит и при формировании определенного **имиджа** известной персоны, организации или целой страны. Однако понятия «имидж» [9, с. 367–368] и «медиаобраз» не тождественны, так как первый создается целенаправленно и несет в себе, как правило, положительную характеристику; второй же формируется непроизвольно, его отличает «латентное содержание» [3, с. 93] и он зависит от ценностных ориентаций аудитории: может быть как позитивным, так и негативным. Так или иначе, имидж и медиаобраз становятся неразрывно связанными, когда необходимо оказать на массовую аудиторию психологическое или эмоциональное воздействие с целью популяризации кого-либо или чего-либо.

Ввиду диалогической (иногда и полилогической) сущности медиаобраза наиболее продуктивной формой текста для его создания, раскрытия и интерпретации является интервью — жанр двойственной природы. Как отмечает А.А. Колесниченко, с одной стороны — это «самый объективный» жанр, так как «в

нем доминируют слова собеседника, а не слова журналиста», но с другой стороны, интервью может оказаться и самым субъективным жанром, где «собеседник может излагать односторонний взгляд на проблему, замалчивая одни сведения и интерпретируя в свою пользу другие, а журналист вынужден публиковать это, не уравнивая проверкой фактов и комментариями других людей» [10, с. 90]. Однако в контексте изучения медиаобраза именно это и представляет интерес: какие вопросы задает журналист конкретному человеку определенной профессии и как респондент на них отвечает.

Предмет данной статьи — медиаобраз писателя в аспекте интерпретации его произведений. Объектом является Дина Рубина — достаточно известная писательница в России и за ее пределами. Ее образ давно и прочно закрепился в массовом сознании аудитории, так как автор ежегодно издает новые произведения или переиздает старые, в связи с чем регулярно дает интервью. Зарубежные литературоведы и критики [11–13] пишут о ней в контексте современной эмигрантской литературы, ставят имя Д. Рубиной в один ряд с писателями еврейского происхождения и изучают ее творчество с точки зрения преломления еврейских национальных особенностей в текстах русскоязычных авторов. Сама автор называет израильский литературный истеблишмент «закрытой кастой» [14], а себя считает русским писателем¹, так как пишет

¹ Вечерний Ургант : телепрограмма // Первый канал. 2018. Вып. 1049. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/roman-kurcyn-i-dina-rubina-vecherniy-urgant-1049-vypusk-ot-29-11-2018>.

только на русском языке. Именно поэтому наиболее репрезентативными в плане формирования и раскрытия ее медиаобраза будут российские и пророссийские СМИ, внимание которых к Дине Рубиной в последнее время было обусловлено не только этим фактом, но и тем, что в 2018 году она представила новую трилогию романов. Первый том серии вышел в день юбилея писательницы.

В качестве материала для исследования ее медиаобраза были выбраны публикации 2018 года в жанре личностного (портретного) и предметно-личностного интервью в российских СМИ (информационные агентства ТАСС, РИА-Новости, РБК; журналы Forbes, Psychologies, Story; радио «Эхо Москвы» (программа «Книжное казино»); «Первый канал» (программа «Вечерний Ургант»)) и пророссийских СМИ (газета «Русская Германия», газета «Культура. Духовное пространство русской Евразии» и журнал «Москва-Ерушалаим»).

Основная проблематика предлагаемого исследования — медиаобраз писателя в современных СМИ в тесной связи с его произведениями. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что деятели искусства, в том числе литературы, — постоянные герои материалов масс-медиа, имеющие профили в социальных сетях и собственные сайты, что открывает максимально доступные возможности для общения читателя и писателя, обеспечивая невиданный ранее в истории литературы выход за пределы авторского текста. Ответ на вопрос о том, что хотел сказать автор в своем произведении, сейчас можно получить лично от него. В этом отношении контент-анализ медиаобраза писателя, транслируе-

мого через интервью, позволит выявить особенности репрезентации его произведений в СМИ в неразрывной связи с образом автора, а также покажет, как влияет архетип творца (писателя) и дополнительные архетипы его героев на профессиональное поведение журналистов, задающих вопросы в ходе интервью.

Образ писателя как архетип творца и его отражение в интервью Дины Рубиной

В основе любого медиаобраза лежит архетипическая природа, которая накладывает свой отпечаток на его репрезентацию. Образ писателя в культуре и в самой литературе традиционно, как и образ представителя любой другой творческой профессии (художника, музыканта, архитектора и т.д.), соотносится с архетипом творца, то есть создателя нового мира. Именно как «человека, создающего свои миры» [15] его интерпретирует и Дина Рубина в своих произведениях.

Архетипическая природа писателя бессознательно воздействует на журналиста и порождает вопросы, переходящие из интервью в интервью в разных вариациях, но схожие по содержанию. Самыми популярными и непосредственно связанными с профессией писателя являются вопросы, касающиеся **работы над созданием книг**: «Когда имел место ваш первый литературный опыт?» [14], «А почему “Наполеонов обоз”?» [16], «В случае работы над этой книгой какие материалы вы изучали?» [17], «Нет ли у вас впечатления, что вы сами живете в романе?», «Не бывает ли у вас чувства, что вы уже все сказали и больше не хотите писать? Или так называемого страха

белого листа?» [18], «Кто из писателей интересен вам в современной российской или зарубежной прозе?» [15], «А у вас есть какая-то схема? Некоторые авторы заранее рисуют себе линии, как следователи в полиции» [19], «Кто вас читает: мужчины, женщины? Предполагаете, кто будет больше читать?»². Перечисленные вопросы можно отнести к категории «банальных», но именно они позволяют читателю, зрителю или слушателю проникнуть в творческую лабораторию автора и формируют каркас его медиаобраза.

Так, исходя из ответов Д. Рубиной, можно заключить, что как писатель на протяжении долгих лет работы она остается верной своему «мозаичному» [там же] стилю, сочетающему в себе несколько разноплановых героев, сюжетных линий и замыслов. Автор говорит: «Как зарождается жизнь во Вселенной? Это тайна. Точно такая же тайна — зарождение замысла книги из случайных впечатлений, обрывочных диалогов» [16]. Неизменным остается и мотив одиночества человека во Вселенной, характерный и для мироощущения, и для прозы Д. Рубиной: «Писатель творит в одиночестве» [20]. «Понимаете, читатель все равно всегда один: тот, кто в данный момент читает твою книгу. Только читает он ее без меня, и тоже — в одиночестве. И я пишу ее в одиночестве. Одиноким пишущий человек. В конечном счете эту самую ответственность ты несешь перед одним только человеком: пе-

ред самим собой» [18], — отвечает автор на вопрос об ответственности перед читателем, которую она чувствует всегда, особенно в моменты творческого кризиса.

Д. Рубина не любит, когда ее спрашивают **о взаимоотношениях с другими писателями**: «Нет не ревнивых писателей. При виде успеха других людей у него сжимается сердце. Но в творчестве я удачливый и счастливый человек. <...> Творчество — немилосердная вещь, а искусство — очень жестокая штука! Творец проходит очень тяжелый путь <...>. На этой стезе есть счастье и ревность, зависть и успех» [20], — говорит автор, намекая на то, что писателю ничто человеческое не чуждо. Д. Рубина склонна к самокритике, а свой первый литературный успех скромно называет «почти сказочной» [16] историей. Будучи реалистом, настаивает на том, что работа писателя — это в первую очередь труд и работа над собой: «Это чудовищные сомнения и страшные комплексы» [19].

Во многих интервью Д. Рубиной задают вопросы **о гендерном разделении ролей в литературе**. Отвечая на них, автор настаивает на том, что никакой «женской литературы» нет, как нет и «мужской»: «Сегодня в русской литературе работают и признанные мастера: Улицкая, Петрушевская, Токарева, и представители поколения среднего возраста. Много имен, боюсь кого-то не назвать <...>. А английские писательницы? Французские... Их много. Только это не называется “женской прозой”, так же как произведения писателей-мужчин вряд ли кто-то назовет “мужской”» [16]. Однако сам факт существования в обществе

² Вечерний Ургант : телепрограмма // Первый канал. 2018. Вып. 1049. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/roman-kurcyn-i-dina-rubina-vecherniy-urgant-1049-vypusk-ot-29-11-2018>.

гендерных стереотипов из разряда “Emotional woman — rational man” [21] обяывает Д. Рубину расширять проблематику своих произведений для того, чтобы аудитория правильно интерпретировала ее писательский замысел. В частности, это касается новой трилогии «Наполеонов обоз»: «Это книга об огромной любви, но чтобы не попасть в ряды женской литературы, приходится всячески камуфлироваться: приходится декорациями брать себе российскую историю, наполеоновские войны... Пришлось поработать, чтобы соорудить красивые мужественные кулисы для этой истории, но, конечно же, сердце романа — это любовь»³.

Таким образом, интервью Д. Рубиной формируют медиаобраз писателя, который относится к своей профессии двояко. С одной стороны, как к возможности сотворить новый мир, альтернативную Вселенную, где живут люди, которых нет в обычной реальности. С другой стороны, по мнению автора, это тяжелая работа, требующая больших моральных сил и умения адаптироваться к разным потребностям аудитории.

Влияние образов героев прозы Дины Рубиной на профессиональное поведение журналистов

Д. Рубиной часто задают вопросы о возможном сходстве ее характера с конкретным героем, которые она считает не совсем корректными, указывая журналисту на это: «Пустая затея — сверять черты реальных людей с чертами героев» [17]. Тем не менее, для журналистов

характерно такое профессиональное поведение, вероятно обусловленное когнитивными процессами в ходе интерпретации литературы. В частности, тем, что исследователь М. Доннелли называет “engaging with a literary work” [22, p. 15], иными словами — взаимодействием читателя с литературным произведением, которое требует, чтобы мы представляли его персонажей, объекты и события в реальности, как имеющие, по крайней мере, некоторые из свойств, описанных в литературном произведении.

Несмотря на то, что в разных интервью 2018 года, отвечая на подобные вопросы, писательница неоднократно процитировала Г. Флобера: «Госпожа Бовари — это я» [15; 17; 20], на самом деле в плане «вживания» в роль своего персонажа для Д. Рубиной важны не прототипы героев, а реальность обстановки и достоверность характеров. Писательница всегда полностью погружается во время работы над книгой в изучение профессии своего персонажа — сама осваивает новые для себя области знаний, а места, где живут ее герои, абсолютно реальны: «Например, когда я обдумывала огромный мощный корпус нового трёхтомного романа “Наполеонов обоз”, мне захотелось «родить и вырастить героев» в самом сердце России; в каком-то интервью я обронила об этом пару слов... тут и окликнул меня письмом на мой сайт один замечательный человек, журналист Николай Алексеев. Так и спросил, мол, а не хотите ли “вырастить героев” в моём родном городке Вязники, где когда-то был самый большой в России — семь вёрст в длину! — вишнёвый сад? Городок интересный, меж-

³ Книжное казино : радиопрограмма // Эхо Москвы. 2018. 18 нояб. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BneNK-oQbGU>.

ду Владимиром и Нижним Новгородом... “Хочу, хочу!” — возопила я, и началась долгая переписка, которая и до сих пор длится. Ведь мне надо самой обжить, хотя бы виртуально, места детства и юности героев»⁴.

В своих интервью Д. Рубина подчеркивает, что с героями ее связывают «отношения автор — персонаж, не более» [16], а писатель — это демиург, создающий свои миры, и он «не может быть полностью адекватен реальному миру» [15]. Она четко **отделяет литературу от реальной жизни** и постоянно подчеркивает это в общении с журналистами, противопоставляя собственный характер собирательному образу своего героя. О себе она говорит как о «консерваторе, человеке устойчивых жизненных планов и привычек», а о героях — как о «людях действия», «беспокойных и дерзких» [15]. Д. Рубину привлекают характеры, казалось бы, совсем не похожие на ее собственный, но в то же время, она говорит, что лучший подарок для нее — это возможность «рвануть из привычного графика жизни» [17]. Такие противоречия во взглядах не только на жизнь, но и на свои произведения, она склонна объяснять с помощью своего гороскопа: «Я Дева, а значит, постоянно сомневаюсь» [19].

Несмотря на то, что вопросы о героях часто повторяются в СМИ, журналисты продолжают их задавать, так как автор всегда отвечает по-разному, привнося тем самым и в конкретную беседу, и в свой медиаобраз в целом элемент неожиданности, игры. Этим Д. Рубина похожа

на своих персонажей, которых разделяет театрално-карнавальным восприятием жизни, возводя корни образа творческого человека к архетипу шута **Арлекина**. Писатель, по ее мнению, — тоже Арлекин: «Поэт чаще всего — Пьеро, тот обязан пестовать свое нутро, а прозаик — всегда Арлекин, всегда “перекувырк”, всегда — вживание в череду чужих лиц» [23]. Переходя из более поздних интервью в современные, этот образ переосмысливается Д. Рубиной. Например, И. Урганту она рассказала историю о посетителе иерусалимского книжного магазина, который постоянно переодевается то в мужчину, то в женщину. На вопрос ведущего о том, как автор полагает, когда этот человек читает ее книги, писательница ответила: «Я думаю, в тот момент, когда он перевоплощается»⁵. Эта особенность прозы Д. Рубиной обуславливается актерским талантом автора, которым она гордится и не подвергает самокритике: «И только в одном я абсолютно уверена: я гениальная актриса» [19]. Именно поэтому в интервью, отвечая на вопросы о сюжетах и героях, писательница часто использует слова «декорации», «кулисы», «театр» и т.д.

Своего типичного героя она тоже атрибутирует как «внутренне подвижного» человека. Подчеркивая, что это особенно четко проявляется, когда он «сталкивается с новыми обстоятельствами жизни и не отшатывается от них, а идет, следуя зову судьбы» [24]. В жизни

⁴ Охотница за сюжетами // Story. URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/okhotnitsa-za-syuzhetami/?sphrase_id=24883.

⁵ Вечерний Ургант : телепрограмма // Первый канал. 2018. Вып. 1049. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/roman-kurcyn-i-dina-rubina-vecherniy-urgant-1049-vypusk-ot-29-11-2018>.

самой Д. Рубиной **судьба** играет большую роль, она верит в нее так же, как и в гороскопы: «Я человек кардинальных, отчаянных действий и единственной судьбы, которую за меня никто не переписшет и за которую я в ответственности...»⁶. Из-за склонности к фатализму писательница никогда не говорит в интервью о творческих планах, называя себя «суеверным человеком» [18].

К своим произведениям и героям Д. Рубина относится как **мать**. Этот женский архетип играет большую роль в формировании ее медиаобраза. Как бы автор ни стремилась уйти от ярлыка «женщина-писатель», он продолжает накладывать свой отпечаток на проблематику ее прозы и соответственно, на вопросы журналистов, но характеризует полностью положительно. Как отмечают В.В. Барабаш и Т.В. Сезонов, образ женщины-матери традиционно репрезентует «скромность, элегантность, доброжелательность» [6, с. 167]. То же самое можно сказать о Д. Рубиной с опорой на ее рассуждения о семье, плавно переходящих в размышления на тему рода — одну из ключевых и знаковых тем ее романной прозы. Так, о героях в контексте отношения к экранизациям своих произведений автор говорит следующее: «Он [писатель] зачинает героев, выращивает их, и они становятся для него совершенно живыми людьми <...>. Герой становится его близким родственником. А экранизация всегда преподносит автору ошеломительный сюрприз <...>. Просто надо всегда быть готовым

к тому, что твое детище полностью преобразится» [17].

Так же трепетно, как и к образам героев, Д. Рубина относится к преемственности поколений в своей семье: «Я всегда обладала какой-то повышенной чувствительностью к <...> бессмертности рода. В детстве внимательно следила за мамой и бабушкой, пытаюсь осознать, что вот та женщина родила вот эту женщину и обе имеют ко мне какое-то сакрально-родовое отношение. <...>. Связь поколений — вот что всегда меня завораживало. В творчестве — тоже» [24]. Тема рода наглядно иллюстрирует такую неотъемлемую черту творчества Д. Рубиной, как автобиографичность, чем вызывает определенные сложности в плане разделения профессионального и личного. Поэтому журналисты очень часто задают ей вопросы о том, как творческая деятельность помогает или мешает писательнице и ее мужу-художнику жить в одной семье. Д. Рубина отчетливо проводит разграничивающую линию между этими аспектами: «Ужасно не люблю гендерных акцентов. Я мама, я дочка, я жена, я бабушка. Я очень четко исполняю в этом смысле свои обязанности, но есть профессия. Есть разные темы»⁷. Тот же принцип разделения профессионального и личного она переносит на взаимоотношения с мужем, который, по признанию автора [14], является ее первым читателем и критиком.

Заключение

Таким образом, во время интервью с писателем перед журналистом

⁶ Охотница за сюжетами // Story. URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/okhotnitsa-za-syuzhetami/?sphrase_id=24883.

⁷ Книжное казино : радиопрограмма // Эхо Москвы. 2018. 18 нояб. : URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BneNK-oQbGU>.

стоит непростая задача: отделить личность автора от мира его произведений и показать его как реально-го «героя» — интересного человека, близкого аудитории.

Медиаобраз Дины Рубиной, составленный на основе ее интервью 2018 г., репрезентует читателям современного писателя как многогранную личность, жизнь которой интересна сама по себе, не только в связи с литературой. Исходя из наблюдений за характером вопросов, которые задают ей журналисты российских и пророссийских СМИ, и медиаповедением самой Д. Рубиной, следует, что тематика вопросов к писателю нетрудно выявляется, поддается определению и классификации. Абстрагируясь от вопросов об отношении к возрасту, вызванных конкретным информационным поводом — юбилеем, можно очертить круг постоянных вопросов, связанных с профессией и личностью писателя.

«Профессиональные» вопросы, без которых невозможно создать медиаобраз литератора, касаются работы над книгами — героями и сюжетами, рефлексии — отношения к собственному творчеству, а также видения автором своей читательской аудитории.

Специфические «личные» вопросы, задаваемые Д. Рубиной, поднимают темы жизни русского писателя за границей и в творческой семье, просят рассказать об истоках характеров конкретных героев, а также о связи ключевых тем произведений автора с его жизнью.

Интервью Д. Рубиной способствуют самораскрытию ее личности, не маскируя проблемы и противоречия, тем самым рисуя достоверный и объективный медиаобраз, который не диссонирует с тональностью и проблематикой ее произведений, а, наоборот, позволяет читателю верно интерпретировать авторский замысел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пронин Е.И. Выразительные средства журналистики / Е.И. Пронин. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 92 с.
2. Хочунская Л.В. Современный медийный образ как архетип / Л.В. Хочунская // Вестник РГГУ. Серия: История, филология, культурология, востоковедение. — 2012. — № 13 (93). — С. 237–245.
3. Хочунская Л.В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л.В. Хочунская // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2013. — № 2. — С. 91–95.
4. Галинская Т.Н. Контент-аналитическое исследование медийного образа российского политика (на материале комментариев интернет-пользователей о Б. Немцове) / Т.Н. Галинская // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4. — С. 91–98.
5. Солдаткина Я.В. Медиаобраз учителя в средствах массовой информации: основные направления и факторы трансформации / Я.В. Солдаткина. — DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(2).261-277 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 2. — С. 261–277.
6. Барабаш В.В. Журнал как особый вид СМИ — репродуктор и транслятор медиаобразов / В.В. Барабаш, Т.В. Сезонов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 10-2. — С. 165–168.
7. Смирнов Д.О. Человек и культура: диалог в медиапространстве : презентация / Д.О. Смирнов // MyShared. — 2020. — URL: <http://www.myshared.ru/slide/100228/>.
8. Балалуева И.А. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоправления в информационном обществе / И.А. Балалуева // Право и управление. XXI век. — 2014. — № 4 (33). — С. 86–91.

9. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов / И.А. Васюкова. — Москва : АСТ, 2005. — 988 с.
10. Колесниченко А.А. Настольная книга журналиста : учеб. пособие / А.А. Колесниченко. — Москва : Аспект Пресс, 2013. — 400 с.
11. Katsman R. Nostalgia for a Foreign Land: Studies in Russian-Language Literature in Israel / R. Katsman. — Brighton : Acad. Studies Press, 2016. — 309 p.
12. Mondry H. Exemplary Bodies: Constructing the Jew in Russian Culture, 1880s to 2008 / H. Mondry. — Boston : Acad. Studies Press, 2009. — 302 p.
13. Ronell A.P. Some Thoughts on Russian Language Israeli Fiction: Introducing Dina Rubina / A.P. Ronell // Prooftexts. — 2008. — Vol. 28, iss. 2. — P. 197–231.
14. Вагнер З. Дина Рубина: «Израильский литературный истеблишмент — закрытая каста» / З. Вагнер // Москва-Ерушалаим. — 2018. — № 47. — С. 10–11.
15. Рубина Д. Среди писателей я редко встречала абсолютно нормальных людей / Д. Рубина ; интервьюер А. Гранд // РБК. — 2018. — 19 сент. — URL: <https://style.rbc.ru/people/5b9a850e9a79478b63778e73>.
16. Рубина Д. В последнее время слова сильно подешевели / Д. Рубина ; интервьюер Д. Ефремова // Культура: духовное пространство русской Евразии. — 2018. — 20 сент. — URL: <http://portal-kultura.ru/articles/best/217536-dina-rubina-poslednie-gody-slova-silno-podesheveli/>.
17. Рубина Д. О попугаях, желании удрать и новой трилогии «Наполеонов обоз» / Д. Рубина ; беседовала Н. Крючкова // ТАСС. — 2018. — 19 сент. — URL: <https://tass.ru/interviews/5518169>.
18. Рубина Д. Не обязательно помещать себя в роман, чтобы чувствовать героев / Д. Рубина ; беседовала В. Высокова // РИА НОВОСТИ. — 2018. — 19 сент. — URL: <https://ria.ru/20180919/1528785786.html>.
19. Рубина Д. Третий том должен быть просто триллером / Д. Рубина ; беседовала Н. Ломыкина // Forbes. — 2018. — 20 сент. — URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/367179-dina-rubina-tretyi-tom-dolzen-byt-prosto-trillerom>.
20. Рубина Д. Творчество — немилосердная вещь, а искусство — очень жестокая штука! / Д. Рубина ; беседовал А. Островский // Русская Германия. — 2018. — № 15. — URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=22453&Itemid=0.
21. Renner A.-M. Emotional Woman — Rational Man? Gender Stereotypical Emotional Expressivity of German Politicians in News Broadcasts / A.-M. Renner, L. Masch // Communications. — 2019. — Vol. 44, iss. 1. — P. 81–103.
22. Donnelly M. The Cognitive Value of Literary Perspectives / M. Donnelly // Journal of Aesthetics and Art Criticism. — 2019. — Vol. 77, no. 1. — P. 11–22.
23. Рубина Д. Заглядывать под маску — моя профессия / Д. Рубина ; беседовал С. Дебрер // Русская Германия. — 2004. — 11 янв.
24. Рубина Д. Человеческие драмы нельзя подгонять под термины / Д. Рубина ; беседовала Н. Ломыкина // Psychologies. — 2018. — 28 авг. — URL: <https://www.dinarubina.com/interviews/psychologies2018.html>.

REFERENCES

1. Pronin E.I. *Vyrazitel'nye sredstva zhurnalistiki* [Expressive Means of Journalism]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1980. 92 p.
2. Hochunskaya L.V. The Modern Media Image as an Archetype. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* = *RSUH Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2012, no. 13 (93), pp. 237–245. (In Russian).
3. Hochunskaya L.V. Media Image Phenomenon: Socio-psychological Aspect. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* = *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2013, no. 2, pp. 91–95. (In Russian).
4. Galinskaya T.N. A Content Analysis of the Media Image of a Russian Politician (on the Material of Internet Users' Comments about B. Nemtsov). *Politicheskaya lingvistika* = *Political Linguistics Journal*, 2013, no. 4, pp. 91–98. (In Russian).

5. Soldatkina Ya.V. The Media Image of Teacher in Contemporary Media: the Main Themes and Factors of its Transformation. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 261–277. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(2).261-277. (In Russian).

6. Barabash V.V., Sezonov T.V. Magazine as a Special Type of Mass Media — the Loud-Speaker and Translator of Media Images. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, social-economic and social sciences*, 2015, no. 10-12, pp. 165–168. (In Russian).

7. Smirnov D.O. Man and Culture: Dialogue in the Media Space. *MyShared*, 2020. Available at: <http://www.myshared.ru/slide/100228/>. (In Russian).

8. Balalueva I.A. Media-Image and Socio-image: Mutual Management in Information Society. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2014, no. 4 (33), pp. 86–91. (In Russian).

9. Vasyukova I.A. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, AST Publ., 2005. 988 p.

10. Kolesnichenko A.V. *Nastol'naya kniga zhurnalista* [Journalist's Desk Book]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2013. 400 p.

11. Katsman R. *Nostalgia for a Foreign Land: Studies in Russian-Language Literature in Israel*. Brighton, Academic Studies Press, 2016. 309 p.

12. Mondry H. *Exemplary Bodies: Constructing the Jew in Russian Culture, 1880s to 2008*. Boston, Academic Studies Press, 2009. 302 p.

13. Ronell A.P. Some Thoughts on Russian Language Israeli Fiction: Introducing Dina Rubina. *Prooftexts*, 2008, vol. 28, iss. 2, pp. 197–231.

14. Vagner Z. Dina Rubina: 'Israel's literary establishment is a closed caste'. *Moskva-Erushalaim = Moscow-Yerushalayim*, 2018, no. 47, pp. 10–11. (In Russian).

15. Rubina D.; Grand A. (ed.). I've rarely met absolutely adequate people among writers. *RBK*, 2018, September 19. Available at: <https://style.rbc.ru/people/5b9a850e9a79478b63778e73>. (In Russian).

16. Rubina D.; Efremova D. (ed.). Words have become considerably cheaper in recent years. *Kultura: dukhovnoe prostranstvo russkoi Evrazii = Culture. The Spiritual Space of Russian Eurasia*, 2018, September 20. Available at: <http://portal-kultura.ru/articles/best/217536-dina-rubina-poslednie-gody-slova-silno-podesheveli/>. (In Russian).

17. Rubina D.; Kryuchkova N. (ed.). On parrots, a wish to escape, and the new trilogy "Napoleon's wagon train". *TASS*, 2018, September 19. Available at: <https://tass.ru/interviews/5518169>. (In Russian).

18. Rubina D.; Vysokosova V. (ed.). One doesn't have to put oneself inside the novel in order to perceive the characters. *RIA Novosti*, 2018, September 19. Available at: <https://ria.ru/20180919/1528785786.html>. (In Russian).

19. Rubina D.; Lomykina N. (ed.). The third volume is to be a thriller. *Forbes*, 2018, September 20. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/367179-dina-rubina-tretiy-tom-dol-zhen-byt-prosto-trillerom>. (In Russian).

20. Rubina D.; Ostrovskii A. (ed.). Creative work is a merciless thing, and art is a cruel one. *Russkaya Germaniya = Russian Germany*, 2018, no. 15. Available at: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=22453&Itemid=0. (In Russian).

21. Renner A.-M., Masch, L. Emotional Woman — Rational Man? Gender Stereotypical Emotional Expressivity of German Politicians in News Broadcasts. *Communications*, 2019, vol. 44, iss. 1, pp. 81–103.

22. Donnelly M. The Cognitive Value of Literary Perspectives. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 2019, vol. 77, no. 1, pp. 11–22.

23. Rubina D.; Debrer S. (ed.). Looking under the masks is my profession. *Russkaya Germaniya = Russian Germany*, 2018, January 11.

24. Rubina D.; Lugovtsova E. (ed.). One cannot use terms when dealing with human dramas. *Psychologies*, 2018, August 28. Available at: <https://www.dinarubina.com/interviews/psychologies2018.html>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зуева Г.С. Медиаобраз современного писателя в аспекте интерпретации его произведений (на примере интервью Дины Рубиной) / Г.С. Зуева. — DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).192-203 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 1. — С. 192–203.

FOR CITATION

Zueva G.S. Media Image of a Contemporary Writer via Interpretation of Their Texts (by the Example of Interviews with Dina Rubina's). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 192–203. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).192-203. (In Russian).